

В отражении лунного камня

Полина
Квач

18+

Полина Квач

В отражении лунного камня

<https://litres.ru/74019213>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лика собирается уехать из города и обнаруживает, что самое сложное – это упаковать в чемоданы всю свою жизнь. Решив избавиться от части вещей, девушка отправляется в антикварную лавку, не подозревая, чем это обернётся. Ведь брошь из бабушкиной шкатулки устраивает самый настоящий квест своей новой хозяйке: оценщик её узнаёт, а его воспоминания запускают такую цепочку приключений, хоть сериал снимай!

Что скрывает это украшение? Возможно, за таинственной брошью тянется целая вереница историй, способных многое изменить. А может, именно она станет тем самым маленьким чудом, которое поможет Лике не просто начать всё с чистого листа, но и отыскать то, о чём она даже боялась мечтать.

Трогательная, ироничная и уютная история о том, как любовь и дружба порой приходят в нашу жизнь самым причудливым образом. И как простое человеческое тепло способно творить настоящее волшебство.

Содержание

Глава 1. Брошь	4
Глава 2. Не одна	29
Глава 3. Корни	46
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Полина Квач

В отражении лунного камня

Глава 1. Брошь

«О-о-о-о-о... У-у-у-у-у...»

Ли́ка огляну́лась. Пустынны́й двор, разбитые глазницы окон, полуобнажённые деревья и... Никого. Показалось?..

– Да уж, обстановочка, конечно, жутковатая. И надо же было этой лавке забраться в такое захолустье... – пробормотала девушка и поторопилась толкнуть дверь.

Дверь со скрипом подда́лась и Ли́ку охвати́ло таким теплом, словно в помещении топи́ли печку. Приятно пахло травами, а где-то вдалеке как будто что-то свистело. Чайник?.. Полумрак мешал разглядеть интерьер, однако угадывались очертания громадного письменного стола и большого количества полок, забитых чем-то до отказа.

– А вот и вы! Добро пожаловать! – из темноты выплыл полноватый пожилой мужчина в очках и, широко улыбаясь, протянул руку.

Ли́ка неуверенно протянула в ответ свою – и её ладонь словно провалилась в мягкую тёплую перину. Так держать за руку умела только бабушка. От этой мысли сердечко сначала болезненно кольнуло, а затем утонуло в нежности. По-

чему-то сразу стало уютно и спокойно.

– Вот так удача! – радовался старичок. – А я уж думал, один куковать буду. Славик опять где-то прохлаждается... Чайку?

– М-м-м... – девушка растерялась.

– Как раз сейчас с вами свеженького заварим! У меня такие конфеты есть!..

Лика хотела было отказаться, всё-таки она здесь по делу. Не ради чаепития же добиралась через весь город на двух автобусах. Да ещё в такую погоду! Но этот чудаковатый старик казался очень милым, в магазине было тепло, ну а соблазнить сладкоежку конфетами вообще раз плюнуть. И если уж добиралась через весь город на двух автобусах, то почему бы и не попить чай? Ещё и в такую погоду...

– Вот и славненько! За мной! – не дождавшись ответа, командовал мужчина и засеменил вглубь комнаты.

Через минуту Лика уже сидела в стареньком мягком кресле в закутке за стеллажами.

– Это мой кабинет! – подмигнул старичок, заливая кипяток в заварочный чайник. – Меня, кстати, Викентий Петрович зовут!

Лика робко назвала своё имя.

– А что же так скромненько? А вот мы с вами такого чаю выпьем за знакомство! Да с такими конфетами! Кто знает, может быть, прямо сейчас начинается история большой дружбы...

Ли́ка хохотала во весь голос. Замолкала только, чтобы прожевать очередную конфету. От неловкости и стеснения не осталось и следа.

– Ох и намучилась тогда с нами стюардесса! Никаких туалетов, говорит, сейчас на взлёт пойдём, пристегнитесь! А внучок мой просится... А она его уговаривает, мол, потерпи, малыш, тебе нельзя. И тут с переднего сиденья встаёт громила и басом такой: «А мне можно?» Это же прямо как в анекдоте, слышали?

Ли́ка помотала головой.

– «Скажите, я на этом автобусе до центра доеду?» – «Нет!» – «А я?», ха-ха, а я, понимаете? Так вот... Арбуз перед дорогой мы больше не...

– Я его ищу, зову, а он тут, значит, девушек до обхохочешься доводит. Ну деда, ну дамский угодник!

Ли́ка вздрогнула. Это кто посмел нарушить их уютную идиллию?

– Явился – не запылится! – радостно воскликнул Викентий Петрович. – Знакомьтесь, мадмуазель, это Славик, мой внук! Тот ещё оболтус!

Ли́ка уже всю разглядывала паренька, чуть обернувшись через плечо. Славик показался ей забавным: высокий, как будто не совсем складный, куртка, словно с чужого плеча, и короткая стрижка, которая ему совершенно не идёт.

Поймав на себе взгляд девушки, Славик смутился. И не потому что она ему понравилась, вот ещё! Просто нечего его так пристально рассматривать. Прямо прожигает глазами! Пришла тут, уселась в дедово кресло, деловая. Славику-то дед никогда своё кресло не уступал! Для гостей у него табуретка, а теперь гляди-ка: сам на ней ютится!

– Вы это ну... А чего это вы тут делаете?.. – пролепетал он. Хотел быть потвёрже да поувереннее, но уж вышло как вышло.

– Чаи гоняем! Тебя пока дождёшься! – неожиданно рявкнул Викентий Петрович, но тут же смягчился. – Тебе налить?

Славик кивнул и облокотился о стеллаж, который от его движения слегка пошатнулся. С верхних полок посыпалась какая-то мелочёвка: скрученные в трубочку плакаты, россыпь карандашей и даже новогодняя мишура. Лица закатили глаза.

– Эх, Славик, Славик, – покачивая головой, с улыбкой вздохнул старичок, – хороший ты парень, но вот всё у тебя так, через одно место... Ладно, не при даме. Садись давай, найди уже, куда это своё место прижать!

Согнувшись практически в два раза, парнишка выволок из-под стола большую картонную коробку и с размаху плюхнулся на неё. Коробка была чем-то наполнена, но не до конца: под весом её створки провалились вниз, а вместе с ними и Славик.

– Голубушка, – пытаясь справиться со смехом, обратился к Лике Викентий Петрович, – а какое всё-таки у вас ко мне дело? Хорошо сидим, конечно, но дюже любопытно!

– Дело?.. – всё ещё хихикая, спросила девушка.

– Ну конечно! Вы же не знали, какое веселье вас тут ждёт, наверняка причина визита была другая! Я, конечно, очень рад...

– Да! – словно опомнилась Лика. – Точно, я же к вам по делу... – И принялась искать сумочку, которую в приступе смеха случайно столкнула с подлокотника кресла.

Славик, раскрасневшийся то ли от смущения, то ли от смеха, кинулся на помощь – но не тут-то было! Он так и сидел в продавленной коробке, выбраться из которой вот так сразу не получилось: она буквально захватила его в плен. Ещё и внизу там что-то покалывало и давило. Славик понятия не имел, на чём он сидел. Ох уж эта коробка!

Тем временем Лика уже сама дотянулась до своей сумки и достала из неё небольшую жестяную банку из-под печенья.

– Мне вас рекомендовали, Викентий Петрович... Сказали, что вы опытный антиквариат... Ой!.. Антиквар! Конечно же, антиквар!

Славик заулыбался, а Викентий Петрович разразился хохотом:

– Ну и антиквариат тоже, чего уж там! Самый что ни на

есть опытный, взгляните-ка на мои седины!

Ли́ка смущённо заулыбалась. Всё же хихикать над Славиком куда интереснее, чем самой становиться героиней нелепых ситуаций. И поспешила перевести тему:

– Осталось вот тут у меня от бабушки... Не знаю, что с этим делать. Вроде бы и память, но я не знаю ни одной истории об этих бирюльках. Если бы было что-то по-настоящему ценное, бабушка бы рассказала, правда ведь?

– Хм... Ценное в каком смысле?

– Да не знаю, в любом.

– Предположим, материальную ценность обозначить я вам смогу. Но порой не это главное...

– Да я понимаю... – Ли́ка вздохнула. – Но бабушка и правда ничего не рассказывала. Лишь говорила иногда, что коробочка на чёрный день. Я вообще думала, там деньги... Со времён царя Гороха!

– И что же, этот чёрный день настал? – серьёзно спросил Викентий Петрович.

– Ну как вам сказать... Бабушки теперь нет. Полгода как... А я переезжать собираюсь, зачем тащить с собой лишнее... Да и деньги не помешают.

Антиквар молча перебирал украшения. На первый взгляд, ничего особенного и ценного, никаких фамильных драгоценностей и уж тем более музейных экспонатов. Хорошая ювелирка вперемешку с качественной бижутерией. Колечки, серёжки, кулоны, браслеты, брошь... Брошь. Кажется,

где-то он такую уже встречал.

Ли́ка и Сла́вик заметили, как старик наморщил лоб и словно ушёл в себя. Так оно и было: Викентий Петрович погрузился в воспоминания, тщательно выбирая те, где его внимание когда-либо привлекала брошь. Всё-таки профессиональная память, что-то же должно было зацепиться, не зря ведь она показалась ему знакомой.

Тёплый летний вечер, Центральный парк. Вокруг весело и шумно, видимо, какой-то праздник. Вероятно, День города. Да, точно... Откуда-то издалека в мыслях начало всплывать лицо юной девушки. Красивое, с россыпью веснушек и обезоруживающей улыбкой. Глаза счастливые. Наверное, влюблена. Ну а что ещё юным красавицам делать? Ладненькая такая, в голубеньком сарафанчике, а на груди, словно орден, крупная брошь... Стоп. Две броши. Две одинаковых броши. Серебряные, с лунным камнем. Только в одной камень молочно-белый, а в другой прозрачно-голубой. В остальном же броши зеркальны друг другу и вместе составляют композицию, напоминающую всем известные инь и ян.

– Есть! – довольно вскрикнул Викентий Петрович, а ребята аж вздрогнули от неожиданности.

– Что, что, деда? – нетерпеливо заёрзал Славик в своей коробке.

– Есть! – во всю ширь улыбался старик. – Видел! Знаю! – и он рассказал всё, что удалось вспомнить. – Только позвольте полюбопытствовать, милочка. А где вторая брошь?

О второй броши Лика ничего не знала. Принесла коробку целиком, как бабушка и сберегла. Может быть, когда-то давно брошка выпала и пылится где-нибудь в дальнем углу шкафа?

– Ну вы поищите, поищите, мадмуазель. Любопытная вещица... А насчёт остального подумайте, стоит ли продавать. Всё же память...

– Сколько лет назад это было? – перебила Лика.

– Что?

– Вы видели брошь... Когда?

– Ну, пожалуй, лет двадцать пять назад... – Викентий Петрович задумался. – Около того, ага.

– Она красивая была?

– Брошь? Ну вот же её полови...

– Да девушка! Девушка! В голубом сарафане...

– Ах, девушка... – старик снова нахмурился, окунаясь в воспоминания. – Красивая. А то как же... И глаза, как у вас. Только у вас они грустные, а у неё счастливые были.

У Лики защипало в носу. Какие-то необъяснимые эмоции её накрыли: что-то болезненное, но в то же время светлое. Она чувствовала, что это всё о ней. И брошь эта о ней, и девушка эта о ней, и Викентий Петрович о ней, и даже этот дурацкий Славик – он тоже о ней.

– А спросить если у кого про цацки? – внезапно встрял Славик, будто почувствовал, что на секунду поселился в голове Лики. – Ну-у-у... Родители, там, ещё, может, кто...

– Да нет у меня никого, – Лике не хотелось об этом говорить, – бабушка вот только и была.

– Но кто-то же ещё был? – не унимался парень.

– Нет, блин, в капусте нашли! Что за вопросы...

– Тогда уж аист принёс! И уронил вниз головой... Сидит орёт тут... В дедовом кресле...

– А тебе очень идёт коробка! Сказала бы, как коту, но коты хотя бы милые!

Славик Лику откровенно раздражал. Какой-то весь потешный, неуклюжий, ещё и вопросы идиотские задаёт. А у самого молоко на губах не обсохло, детский сад – штаны на лямках!

– Ну всё, всё, брейк! – вмешался Викентий Петрович. – Давайте-ка ещё по чайку.

Но Лика уже засобиралась. Ведь впереди ещё целое путешествие через весь город. Да-да, на двух автобусах. А там погода не пойми какая, ещё и стемнело совсем... Аж снова захотелось чаю. Свернуться бы калачиком прямо в кресле и никуда не уходить...

– Ну что же вы, голубушка, неужто обиделись на моего недотёпу? Не сердчайте, он хороший, бестолковый просто иногда, – Викентий Петрович разволновался. – Ну куда же вы?

– Домой, – хотя Лике туда совсем не хотелось.

– Ну вот этот товарищ пускай тогда и проводит! Делом хоть займётся.

– Ой, лучше я сама, – Лике совсем не улыбалось проводить время наедине со Славиком.

– Вот уж нет уж! Самостоятельная какая! Где живёте? На какой улице?

– На Брянке... На Брянской.

– Ого! – присвистнул Викентий Петрович. – Так это же через весь Советский Союз! Славик, заводи давай колымагу!

– Да она и так уже завелась, – хмыкнул Славик, кивнув в сторону Лики, и принялся выбирать из коробки.

Девушка побагровела и уже готова была взорваться, но вместо этого громко рассмеялась: Славик разминал затёкшие ноги, а к его джинсам сзади прилипла раздавленная поделка из пластилина и сосновой шишки.

– Карета подана! – Славик картинно поклонился и распахнул дверь со стороны пассажирского сиденья. – Прошу!

– Вот уж точно – карета, – улыбнулась Лика. – Прямо ретро.

– Ну не так, чтобы ретро... Классика! Дедова любимица. Садись давай, принцесса!

Лика фыркнула, но спорить не стала. Чем быстрее она сядет в машину, тем скорее доберётся до дома и избавится уже наконец от порядком надоевшего Славика.

– А знаешь, – Славик нарушил тишину, которая длилась вот уже несколько минут, – она ведь не только дедова люби-

мица...

– Кто?

– Ну «пятёрка». Машина эта.

– А-а-а... Ну и?

– И моя тоже! – засмеялся парень. – Маленький был, всё просил дедушку подарить мне её.

– А он что?

– Вырастешь, говорит, подарю.

– Подарил?

– Подарил! Я как из армии пришёл, так он сразу и подарил.

– А новую не хочешь разве? – Лика прищурилась.

– Ну вот заработаю и будет новая. А пока и эта хороша... Она мне как родная, я и водить учился на ней, – Славик погладил руль. – А знаешь...

Но Лика его уже не слушала. Демонстративно отвернулась и уставилась в окно, всем своим видом показывая, что разговор окончен. Но Славика, кажется, это нисколько не смутило: он продолжал что-то рассказывать, да ещё с таким жаром, что слов иногда не хватало и приходилось активно жестиковать.

– Ты за руль покрепче держись, – сквозь зубы процедила девушка.

Славик засмутился и наконец замолк. Остаток пути молодые люди провели в тишине. Нет, Лика хотела было попросить включить радио, но сразу представила, как у её спут-

ника снова открывается рот... Нет уж, лучше обойдёмся без музыкального сопровождения. Поскорее бы уже домой...

А дома было пусто и одиноко.

– Ну его за, ну вы посмотрите на неё! – рассмеялась бабушка.

Лица кружилась в центре комнаты. На ней любимые закладки и новое платье. Красивущее!.. Девочка представляла, будто превратилась в маленькую снежинку. Единственную и неповторимую. Она недавно узнала, что каждая снежинка уникальна, а бабушка часто называла Лику уникальным ребёнком. Значит, снежинка – это как раз про неё! И чтобы не растаять, ей непременно нужно как можно быстрее крутиться вокруг своей оси.

– Да что ж это за такое! Лица-земляника! Остановись!

Но остановиться Лица уже не могла: ноги не слушались, а голова совсем закружилась. А потом как повело, повело в сторону – и прямо в шкаф плечом! Ох и больно-то было! Ох и слёз-то было!

– Девочка моя! – всплеснула руками бабушка и кинулась ловить в объятия рыдающую внучку. – Ну, ну... Ушиблась-то как... Дай посмотрю...

Лица послушно позволила себя осмотреть. У бабушки всё получалось быстро и не больно, даже ранки йодом мазать.

– Ну и ничего страшного... Ну вот и хорошо... Всё у нас

целёхонькое... – приговаривала бабушка, ощупывая внучкино плечо. – Сейчас подую и быстренько всё заживёт!

– До свадьбы? – уже успокаиваясь, уточнила девочка.

– А то как же. До свадьбы – обязательно!

– А снежинки женятся?

– Не знаю, я же не снежинка. Вот подрастёшь и узнаешь, потом расскажешь мне, – заговорщически подмигнула бабушка.

– А на сколько ещё нужно подрасти?

– Ну... Лет так на пятнадцать, наверное, не меньше.

– Это же будет – Лика задумалась. – Двадцать один! Я что, буду такая старая?! Да, баба, да?! А ещё расскажи, бабушка...

Бабушка! Бабушка. Бабушка...

Лика проснулась. За окном пробрасывал неуверенный осенний снег, миллионы уникальных снежинок кружились в танце. Женятся снежинки или нет, Лика так и не узнала. А ведь ей уже двадцать четыре. И бабушки больше нет.

Настроение было так себе. Сон вызвал противоречивые эмоции: конечно, приятно вспомнить эпизод из детства и увидеть бабушку хотя бы так, но эта проклятая тоска... Хоть волком вой. Ну что за несправедливость! Почему у всех есть кто-то, а Лика на всём белом свете совсем одна? Ну вот как тут снова не захотеть плакать?

Девушка настолько погрузилась в свои переживания, что

аж нечаянно разбила яйца в мусорку, а скорлупу бросила прямо на шкварчащую сковородку. Завтрак явно не задался.

– Ну что ж, идём в пекарню за кофе и булочками! – сказала Лика в пустоту. И вдруг подумала, а не позавтракать ли ей с Викентием Петровичем. Неплохая идея, правда ведь? Почему бы и нет. Ну да, опять через весь город на двух автобусах. Зато не одна. Зато выходной не будет испорчен. В том, что Викентий Петрович будет ей рад, она даже не сомневалась.

Выбегая из дома, Лика вдруг вспомнила, что банка с украшениями до сих пор в сумке. Пришлось вернуться и выложить, не таскать же с собой: потеряет ещё или вообще украдут. Однако брошь с лунным камнем почему-то захотелось взять с собой. Что-то в ней есть такое... Притягательное, что ли. Загадочное. Заодно и антиквара о ней можно будет поподробнее расспросить, вдруг ещё вспомнит чего.

– Мне, пожалуйста, один кофе с собой и четыре булочки с шоколадом, – Лика уже стояла в пекарне.

– Эспresso? Капучино?

– Латте, – девушка внезапно вспомнила про Славика. – И шесть булочек с шоколадом!

– Мне покоя не даёт та девушка. В сарафане, с брошью... С двумя, – Лике не терпелось впиться зубами в булку, но она ждала, пока Викентий Петрович приготовит чай.

– Действительно, любопытно, – поддержал старичок. – Совпадение? Не думаю. Хотя... Чего только не бывает в нашей жизни.

– Так интересно, где вторая брошь! Все полки обыскала, но ни-че-го... Ну где-то же она должна быть? Вы же видели, что их было две...

– Ваша правда, мадам. Что было, то было... Вареньица подать к чаю? Малиновое!

Лица кивнула. Да что там вареньице, подавайте сразу всё! Хоть слона. В животе настойчиво урчало: стакан кофе, который она выпила в автобусе, только распалил аппетит.

– А правда, что у той девушки глаза были, как у меня?

– Утверждать не берусь, – Викентий Петрович задумался.
– Утверждать не берусь... Но мне кажется, похожи. Есть что-то общее и во взгляде, и в красоте... Только она с такой лёгкостью смотрела на мир, с таким воодушевлением, как будто чуда ждала. Чего не скажешь о вас, голубушка.

Лица вздохнула. Она и сама каждое утро видела в зеркале потухший взгляд. После смерти бабушки она словно осиротела и никак не могла собрать по кусочкам своё разбитое сердце. Теперь Лица совсем одна... Стоп. А как же Андрей? Сколько они уже не созванивались, четыре дня, пять?..

– Ну-ну, не грустите, милая, – ласковый голос Викентия Петровича вернул Лику из раздумий. – Давайте-ка уже чай пить... Ой, а плюшки-то какие вы привезли! Неужто сами пекли?

– Нет, что вы, – девушка смутилась, – я так не умею. Вот бабушка и не такое могла, а я... Ну, так себе...

– Чувствую, сильно вы тоскуете по бабушке.

– Не то слово. Только сейчас понимаю, что она и есть мой дом. Была... А теперь я бездомная. Никому не нужна.

– Так уж и никому? – вскинул брови Викентий Петрович.

– Нууу, – Лика снова смутилась, – вообще-то у меня парень есть...

– У такой вредины есть парень? – в проходе внезапно нарисовался Славик.

Девушка фыркнула. Ну как же он не вовремя! Она ведь только хотела пооткровенничать с Викентием Петровичем, хотя бы немного приоткрыть душу. Поделиться своей болью, что ли. А тут этот Славик опять! Пришёл и всё испортил. Дурак.

– Между прочим, есть! – с вызовом ответила Лика. – Красивый и успешный!

– Ну и где же этот красивый и успешный? Почему не рядом со своей принцессой? – задирался Славик.

– В Москве! Его амбиции слишком велики для провинциальных городов!

– Ой-ой! А что же тебя с собой не забрал? Или его амбиции слишком велики для провинциальных дамочек?

– Брейк! – резко оборвал диалог Викентий Петрович. – Хорош лясы точить, чай стынет!

Ребята послушно замолчали и расселись по местам. Лике

снова досталось кресло, а для Славика антиквар подготовил раскладной стул.

– Всё лучше, чем на коробке, – дружелюбно резюмировал парень. – А ты чего, деда, знал, что эта фифа опять припрётся?

– Прошу повежливее с нашей гостьей, – Викентий Петрович строго глянул на внука.

– Вы меня, конечно, извините, – вмешалась Лика, – но я сейчас умру от голода! – и принялась жевать булочку.

– А вот знаете, что я думаю, Викентий Петрович? А ведь та девушка могла быть моей мамой... Точнее, моя мама могла быть той девушкой. Ой... – Лика запуталась.

– Ну теоретически... – антиквар задумался. – Что вы о ней помните?

– Да ничего я не помню. Она прямо во время родов умерла.

– Бабушка, может, что-нибудь рассказывала?

– Не-а... Бабушка про папу только говорила. Она папина мама. А когда я про свою маму спрашивала, она только отмахивалась, не знаю, говорит, ничего толком.

– И папу тоже не помните?

– И папу тоже... Он вообще ещё до моего рождения погиб. В горах. В новогодние каникулы. А в марте я родилась. И сразу же ещё и без мамы осталась, – у Лики запершило в

горле.

Славик вздрогнул и уронил глаза куда-то в кружку с чаем.

– Да уж, девочка, досталось вам, – сочувственно покачал головой Викентий Петрович. – Родиться одинокой – настоящее испытание.

– Мне с бабушкой повезло, – грустно улыбнулась Лика, – она мне и за папу, и за маму, и за друга... Была.

– Ну почему же была? – Викентий Петрович накрыл пухлой ладонью хрупкую ручку девушки. – Она всегда с вами, в вашем сердце.

– Да... А малинка-то какая вкусная! Кто у вас главный по вареньям? – нарочито весело спросила Лика, пытаясь сменить тему, чтобы не расплакаться. При Викентии Петровиче она, может, и позволила бы себе немного слёз, но точно не при Славике!

– Аaaa, это... Это, вон, Славкины мама с бабушкой, дачницы наши! – рассмеялся Викентий Петрович. – Как наварят, как насолят, как накрутят!

– Всем семейством потом только эти банки и едим, – улыбнулся Славик, робко взглянув на девушку. Ему было не по себе от таких грустных подробностей. Лика, конечно, выдержала ещё, но судьба обошлась с ней слишком жестоко. Жалко её.

Лика окатила Славика холодным взглядом и снова обратилась к Викентию Петровичу:

– Славкины мама с бабушкой – это ваши жена и дочь?

– Это мои дочка и внучка! – с гордостью ответил мужчина.
– Славик мне правнуком приходится. Глядишь, ещё и праправнуков дождусь!

– Вот это круто! Вот это семья у вас большая! – искренне восхитилась Лика. – Всегда завидовала подружкам, у которых семьи полные. Ну, по-доброму завидовала. Там и родители, и бабушки, и братья с сёстрами... Но вы всех переплюнули!

– А вы, барышня, приглядитесь-ка к Славику, авось и породнимся! – весело подмигнул Викентий Петрович, смутив одновременно и Славику, и Лику.

– Ну деда, ну тоже мне... Куда мне до успешных и красивых, со своими-то провинциальными амбициями...

– Вот именно! – вздёрнула носик девчонка.

– Здесь есть кто-нибудь? – раздался резкий мужской голос. – Тук-тук, хозяйева!

– Иду, иду! – антиквар соскочил с табуретки и поспешил в зал. – А вы не ссорьтесь мне тут, – бросил он через плечо Лике и Славику.

Ссориться Лика точно не хотела. Она вообще не хотела разговаривать с этим выскочкой. Приехала к Викентию Петровичу, в конце концов, а не к какому-то Славику.

– Булки вкусные, – тут же напомнил о себе парень, – ещё бы слопал!

– Ну уж извините, – развела руками Лика. – Вообще-то я нам с Викентием Петровичем по три купила, ни на кого больше не рассчитывала.

– Ну не сочиняй. Три в тебя не влезет!

Лика цыкнула и выудила из сумочки телефон. Уж лучше ленту в соцсетях полистать, Ирка как раз в отпуске, может, новенькое что выложила. Невежливо, конечно, но вдруг хотя бы так Славику станет ясно, что она не желает с ним тут разговоры разговаривать?

– Бутер будешь? – Славик, казалось, ничего не замечал.

Лика поджала губы и уткнулась в телефон. Ну неужели не понятно? Что ещё она должна сделать, чтобы он наконец сообразил, что она ему не подружка? Варианта уйти не было: если не брать во внимание Славика, то Лике здесь очень даже хорошо. Это единственное место, где она не чувствует себя одинокой.

– Ну как хочешь! – Славик принялся густо намазывать варенье на хлеб.

– Я не люблю чёрный. Как можно сладкое с чёрным хлебом?

– Ну надо же, какие мы нежные!

«И вот о чём с ним разговаривать?» – подумала Лика и изо всех сил принялась скроллить ленту. Ирка действительно выложила свежие фотки из Таиланда. Вот она обедает морепродуктами в каком-то ресторанчике, вот в красивом парео идёт на пляж, а вот уже на берегу Сиамского залива

хващается фигурой в крошечном бикини. Фигура у Ирки, конечно, что надо, с такой можно позволить себе даже самые экстремальные наряды. Лика украдкой глянула на свои ноги, которые казались ей чуть полноватыми. И подумала, что неплохо бы тоже перейти на морепродукты, а не выпечку трескать.

Славик ошибался: Лика с удовольствием проглотила бы и третью булку.

Из зала послышался смех, который больше напоминал раскат грома. Лика глянула на Славика, а тот расплылся в улыбке:

– Дедушка с кем угодно общий язык найдёт. Умудряется подружиться почти с каждым. Я ему говорю, тебе надо кафе открывать, отбоя от посетителей не будет! С таким-то гостеприимством! Даже самая простая чебуречка, говорю, под твоим руководством порвёт все рейтинги.

– А он что?

– А что он... Он дело своё любит. Старьё вот это вот всё. Разглядывать, ковыряться... Хлебом не корми...

– Это кого это тут не корми? – Викентий Петрович заглянул в закуток.

– Да рассказываю, как ты отшил мою идею про чебуречную.

– Опять ты за своё! – покачал головой старик. – Лучше

идите-ка, посмотрите, какую мне красоту притащили!

Лику не нужно было долго уговаривать, она тут же выпорхнула из кресла. Славик смиренно поплёлся за ней.

Викентий Петрович облокотился о стол, на котором среди кучи всяких инструментов, бланков и книг величественно устроился какой-то замызганный подсвечник. Высокий, увесистый. Его основание и разветвления на пять свечей обвивала виноградная лоза. Лика подумала, что если его как следует отмыть, то штукавина вполне себе симпатичная. А вслух сказала:

– Вот это канделябр!

– Таким и убить раз плюнуть! – добавил Славик.

Девчонка в очередной раз закатила глаза, а Викентий Петрович заулыбался. То ли от непосредственности своего правнука, то ли от забавной реакции гостыи... А может быть, и от того, и от другого: перепалки этих двоих из раза в раз напоминали ему его робкую юную любовь. И девушку, которая сначала ворчала из-за его нелепых шуток, а потом согласилась выйти замуж.

– Очень надеюсь, – сказал он, пряча поглубже в сердце свои воспоминания, – что экспертиза не преподнесёт нам таких сюрпризов. Хотелось бы обойтись без криминала! Даже если преступлению около сотни лет.

– А что, и такое бывает? – округлила глаза Лика.

– Бывает и не такое, – Викентий Петрович окинул взглядом многочисленные полки. – Здесь каждая вещь хранит

свою историю. У каждой своё прошлое...

– А это что за недоразумение? – Славик ткнул пальцем в какую-то диковинку, спрятавшуюся под столом. – Выглядит так, будто его в позапрошлом веке кто-то уронил и потом кое-как склеил.

– Не разбираешься, так хоть не трогай! Сломаешь ещё! – разозлилась Лика.

– Как будто ты разбираешься!

– А вот и разбираюсь!

– Ну и что же это?

– Ну... Похоже на какой-то узкий мангал, – Лика не была уже так уверена.

– А рукоятка тогда зачем? Я думал, это что-то типа швейной машинки.

– А шить-то чем? Куда нитки с иглой вставлять?

– А мангал твой здесь каким боком? Где тут что жарить?

Придумала тоже!

– Ну всё, молодёжь, брейк! – Викентий Петрович поспешил разнять спорщиков. – Никто не угадал!

– Давай, деда, говори уже, пока меня эта мангальщица не съела! – Славик на всякий случай на пару шагов отошёл от Лики, но она на него даже не взглянула.

– Хе-хе, – посмеиваясь, антиквар снял очки и начал их протирать. – На самом деле с помощью этой штуkenции скручивали газеты в плотные такие полешки. Камин чтобы разжигать, когда дрова были в дефиците. Вот сюда подкла-

дываешь газету, потом уже сюда вставляешь второй стержень... И крутишь рукоятку, – Викентий Петрович надел очки и посмотрел на ребят.

Лика и Славик стояли, разинув рты. Это же надо было такое придумать! Казалось бы, в наш век высоких технологий уже никого ничем не удивишь, а вы посмотрите-ка – полено из газет!

– Этот агрегат со времён Первой мировой, – Викентий Петрович был доволен, что произвёл впечатление. – Нуждается, конечно, в реставрации, чего уж там... Но мы и до него доберёмся.

– А как он к вам попал? – поинтересовалась Лика.

– О-о-о, это отдельная история! – хмыкнул оценщик. – Внучатый племянник соседки троюродной бабушки Слави-ка мне его продал. А ему он достался через...

– Ой, всё! Я уже запуталась!

– Действительно, к чёрту подробности! Но поверьте мне, милочка, каждая вещь здесь не просто так. Каждая – особенная, со своей непростой судьбой...

– И моя брошь?

– И ваша брошь.

Лика долго не могла уснуть. Из головы не выходила девушка в голубом сарафане и с глазами, похожими на её собственные. Кто она? А вдруг Викентий Петрович прав, вдруг,

ну, чисто теоретически... А брошь? Кстати, где она?

Ли́ка прошла в прихожую и достала из сумки украшение. Красивое! Изящное такое, настоящее произведение искусства. Может быть, ручная работа? И этот камешек, то ли полупрозрачный, то ли полумолочный... Волшебство какое-то. Надо же, у Ли́ки своя собственная реликвия! А ведь где-то в мире есть и вторая такая же, только с голубым камнем. Голубым, как сарафан той девушки из прошлого...

Заснула Ли́ка только под утро. В кулаке она сжимала брошь.

Глава 2. Не одна

– Ну прямо изебалась вся! Просыпайся давай, сейчас уже открываться будем! К 10 часам-то уж могла бы и выдохнуться!

– Да я только утром уснула. Так вышло...

– А ночью-то чего делала? Твой, что ли, приехал, спать не давал?

– Ну что вы, Надежда Сергеевна, просто бессонница.

С коллегой у Лики отношения не складывались. Надежда Сергеевна вечно была чем-то недовольна, предпочитала проводить время за перемыванием косточек и всегда была не прочь поскандальить. Редкий покупатель оставался без её оценочных комментариев за спиной.

– Бессонница, ага, рассказывай... Ну чё вылупилась, открывай давай! На часы смотрела вообще? И эти там уже стоят, топчутся... Вот кому понадобились чашки с утра пораньше?

Лика не вступала в перепалки с Надеждой Сергеевной: а смысл, если единственным аргументом той был только тот факт, что она старше Лики в два раза, а значит, знает всё лучше? Поэтому девушка игнорировала выпады коллеги и с улыбкой консультировала покупателей, которых интересовала красивая посуда и всякие интерьерные штучки. На душе скребли кошки, но люди-то тут причём?

– Мы сегодня вдвоём в зале, — ворчала женщина. – У Наташки ребёнок заболел, а Маринка ногу подвернула. Ну, сказала, что подвернула, кто её знает, что там на самом деле... Ещё и Ирка так не вовремя в отпуск укатила! Офигеем мы тут с тобой...

День тянулся до безобразия долго. Покупателей было мало, и от этого тишина в магазине казалась ещё более давящей. Лика то и дело ловила на себе колючий взгляд коллеги, которая будто нарочно выискивала, к чему бы придрататься.

– Ну что ты там опять носом клюёшь? – Надежда Сергеевна внезапно вынырнула из-за витрины, пока Лика разглядывала новый сервиз. – Тебе всё равно не по карману такое! Да и мне тоже. С дуба рухнули, что ли? 39 косарей за какие-то тарелки! Не стой столбом, бокалы, вон, как попало расставлены!

Лика закрыла глаза и медленно набрала полную грудь воздуха. На несколько секунд задержала дыхание, а затем неспешно выдохнула. Бокалы были размещены на полке по всем правилам, но тем не менее девушка переставила их, выравнивая по невидимой линии. Пусть перфекционисты ликуют. А что касается Надежды Сергеевны, так ей всё равно не угодишь.

В этот момент в магазин вошла молодая женщина с ребёнком. Малышка, похожая на зефирку в своём розовом лыж-

ном костюмчике, тут же потянулась к большой вазе, которая стояла на полу.

– Ой! Аккуратнее! – Женщина подняла девочку на руки. – Извините, – обратилась она уже к Лике, – дочка у меня такая любопытная! И красоту любит, самый настоящий эстет растёт.

Девочка протянула ручки к Лике и заулыбалась во весь рот.

– Ну я же говорю, красоту любит! – подмигнула женщина. – Ой... Сколько у вас здесь всего! Это ручная роспись?

Лика проследила за взглядом посетительницы и поняла, что та интересуется как раз новеньким сервизом.

– Да, это работа местного мастера. Он использует специальную технику, посмотрите, какой изящный орнамент!

Пока Лика рассказывала про особенности этой самой техники и нестандартное сочетание цветов, она почти забыла о вредной коллеге. Время от времени Надежда Сергеевна фыркала где-то неподалёку, но это совсем не мешало: Лика увлечённо делилась знаниями с благодарными слушателями. Ведь так приятно, когда кому-то интересно то, что ты любишь.

Сервиз женщина, конечно, не купила, но зато выбрала яркую кружку для дочери и набор кухонных полотенец. Когда они уходили, Лика ещё пару минут стояла и смотрела им вслед. На душе у неё чуточку потеплело, а день больше не казался таким уж безнадёжным.

– Ну и чего ты им экскурсию устроила? – Надежда Сергеевна была раздражена. – Здесь вообще-то магазин, а не какой-нибудь там музей, если вдруг ты забыла!

Ли́ка опустила глаза и упёрлась взглядом в ту самую вазу, которая так заинтересовала малышку. Прямо по центру композиции разлаписто красовалась виноградная гроздь. Девушка сразу подумала про вчерашний подсвечник и Викентия Петровича. Кажется, она уже соскучилась. Даже по Славику.

Но до выходных ещё нужно дожить.

– А чё ты мне не сказала, что увольняешься? Я у начальства была.

Ли́ка вздрогнула. Она задержалась, наводя порядок на полках с кухонным текстилем, и совсем не ожидала, что Надежда Сергеевна будет караулить её на выходе. Ли́ка пожала плечами. И рада была бы поскорее ретироваться, но, как назло, магазин не захотел ставиться на охрану. Пришлось повторить попытку.

– Ну чё молчишь-то? – коллега выпустила струйку дыма и прищурилась. – Втихаря сбежать собиралась?

– Почему втихаря? Директор в курсе, – голос Ли́ки прозвучал тише, чем ей хотелось бы.

– Директор, значит... А я? – Надежда Сергеевна смачно сплюнула и стряхнула пепел с сигареты.

Лика снова пожала плечами.

– Тихушница. Могла бы и сказать.

– Сказала бы. Ещё целая смена впереди.

– Цеелая смеееена, – противно протянула женщина и, выбросив окурок, снова потянулась за пачкой. – Давай ещё постоим.

Лику передёрнуло. Она терпеть не могла, когда, во-первых, её передразнивают, а во-вторых, курят ей в лицо. Мерзко так. Фу. И сделала шаг в сторону, чтобы увернуться от дыма.

– Куда уходишь-то? – продолжала допрос уже почти бывшая коллега. – Место получше нашла?

– Нет. Я уезжаю.

– Ого! К своему? В Москву?

– Ага... – Лика закашлялась.

– Чё, задымила я тебя? – захихикала Надежда Сергеевна и сделала очередную затяжку, после чего отвела руку с сигаретой чуть в сторону. – Ладно, иди... Всё равно ни слова из тебя не вытянешь.

Лика кивнула и направилась в сторону остановки. Она ускорила шаг, стараясь поскорее отдалиться от магазина и от разговора, который оставил неприятный осадок. Ветер подхватил выбившуюся прядь волос и бросил в лицо, девушка машинально заправила её за ухо и натянула капюшон. «Пора уже шапку доставать», – подумала она.

До автобуса оставалось минут пять ходьбы. Лика шла, гля-

дя под ноги, и прокручивала в голове слова коллеги. «К своему? В Москву?» – эти вопросы будто обнажили что-то, чего она раньше до конца не осознавала. Да, в Москву, к Андрею. Они вместе уже почти три года, два из которых встречаются набегами: во время их совместного отпуска и его командировок в родной город. Но скоро наконец-то всё будет как у людей, потому что она уезжает к нему.

А может, всё-таки не к нему, а отсюда? От этих бесконечных упрёков и вечного недовольства Надежды Сергеевны? От одиночества и тоски по бабушке? От пустоты в квартире и в душе?

Или, может быть, даже от себя самой?

– Андрюш, а ты меня точно ждёшь? – промурлыкала Лика в трубку.

– Конечно, малышка, – ответил приятный мужской голос с лёгкой хрипотцой. – Билет купила уже?

– Нет пока. Дела ещё есть.

– Окей. Только не бери спонтанно, сначала со мной согласуй.

– Э-э-э... Ладно, – чуть помедлив, ответила Лика.

– Я же должен тебя встретить. А с моей работой, сама понимаешь, в любой момент в аэропорт не сорвёшься.

– Ну, хорошо. А то я уж было подумала, чтобы успеть любовниц выгнать, – улыбнулась Лика.

– И это тоже.

– А?

– Шучу, шучу! Чтобы успеть носки по периметру собрать. Лика рассмеялась.

– Ну всё, давай, малышка, у меня глаза уже закрываются, сил нет, – мягко сказал Андрей. – Люблю тебя.

– И я тебя, – ответила девушка и сбросила вызов.

Она опять не рассказала ему про брошь.

– Завьялова, ну прямо на крыльях летаешь! Так уже хочется поскорее свалить?

– Просто наслаждаюсь последним рабочим днём. И никто мне его не испортит, – сама от себя не ожидая, сказала Лика.

– Ты на что это намекаешь, а? Было бы чем наслаждаться... – фыркнула Надежда Сергеевна.

Как и всегда, спорить Лика не стала. Да и некогда тратить время на разговоры: пришла большая поставка посуды, которую ещё предстояло разобрать.

Девушка действительно любила свою работу. Её вдохновляли все эти красивые штучки, которых здесь было в изобилии. Чашки с позолоченными ободками, тонкие фарфоровые блюда, пиалы с турецким орнаментом... Лика осторожно доставала каждый предмет, внимательно осматривала, не появилось ли где скола или трещинки при транспортировке, и аккуратно размещала на полке. Ей нравилось представ-

лять, как из этих чашек кто-то будет пить кофе по утрам перед работой, из тех тарелок уплетать пюрешечку с котлетками на обед, а вон тот заварочный чайник с восточными мотивами соберёт вокруг себя всю семью. Ну прекрасно ведь!

– Каждая вещь хранит свою историю, – пробормотала Лика, вспомнив слова Викентия Петровича. Только антиквар рассказывал о прошлом, а она фантазировала о будущем.

– Ты опять витаешь в облаках! – Надежда Сергеевна вышла из подсобки с очередной коробкой. – Там ещё осталось, не тормози!

– Я в курсе, – кивнула Лика, рассматривая пузатую сахарницу, расписанную зелёными листочками и ягодами малины. Ей сразу вспомнился чай с вареньем в закутке антикварной лавки, а в животе предательски заурчало. Но пока весь новый товар не окажется на полках магазина, об обеде нечего и думать.

Лика попрощалась с довольной покупательницей, которой только что помогла выбрать набор бокалов, и заметила растерявшегося мужчину. Он, будучи весьма габаритным, стоял в обнимку с большой вазой, той самой, которая с виноградной кистью, и отчаянно крутил головой. Лика поспешила на помощь.

– Чем я могу быть вам полезна?

– О-о-о, девушка! – обрадовался он. – Я заблудился в этом

бабьем царстве! Как выбраться отсюда?

– Смотрите: за этим отделом будет текстильный, потом сувениры... – Лика засомневалась, стоит ли отпускать его одного. – А давайте-ка лучше я сама вас провожу!

– Вот спасибо! А то думал, ночевать уже тут останусь.

Они неспешно двинулись между стеллажами. Лика намеренно выбирала такой путь, чтобы избегать узких проходов: широкоплечий мужчина с громоздкой вазой вызывал у неё опасения.

– Я тут как слон в посудной лавке, – громила шумно вздохнул. – Как бы ненароком не задеть чего.

– А мы уже почти пришли, – сказала Лика. – Вон там кас-са, видите? А потом вон туда на выход.

– Спасибо, спасибо! Вы меня спасли!

Девушка улыбалась, глядя вслед забавному великану.

– А может, и меня спасёшь?

Лика обернулась. Перед ней стоял Славик и лыбился, как умалишённый.

– Не ожидала тебя здесь увидеть, – чуть ли не поперхнувшись, сказала она.

– Да я сам не ожидал! Заскочил за скатертью, а тут ты! Ждал, пока с этим бугаем закончишь.

– Что за скатерть?

– Да у бабушки завтра юбилей. Мотаюсь весь день, то одно, то другое. Сейчас обнаружили, что после прошлого праздника какие-то пятна жирные не отстирались, послали

ВОТ...

– Пойдём! – Лика схватила Славика за руку и потащила в тот самый текстильный, который между бокалами и сувенирами.

Внезапно на пути возникла Надежда Сергеевна. Она уставилась на их руки и злобно зыркнула.

– Дорогуша! А ты здесь для того, чтобы шашни крутить? Или, может, поработаешь хоть немного?

У Лики застучало в висках. Хотя немного, серьёзно? А не она ли целый день разбирала коробки с товаром, при этом не обделяя вниманием посетителей? Не она ли так до сих пор и не пообедала? А рабочий день, между прочим, уже подходит к концу! Вот это заявочка, конечно!

И Лика не выдержала.

– Знаете что, – её голос дрожал, но она не намерена была отступить, – если бы вы не ходили курить каждые полчаса и поменьше трепались по телефону, вы бы увидели, кто на самом деле здесь работал.

Надежда Сергеевна оторопела. Она не ожидала сопротивления, даже не задумывалась, что эта девчонка когда-нибудь сможет ей возразить.

– Слушай сюда, деточка, – чуть придя в себя, процедила она сквозь зубы. – Ты меня жизни не учи, я-то как раз пожила и лучше знаю...

– А вы почему с ней так разговариваете? – с вызовом спросил Славик. – Она вам что, девочка на побегушках?

– Куда ты лезешь, сосунок? – это прозвучало надменно и с каким-то шипением. – Не видишь, тут взрослые общаются?

Лица сжала ладонь Славики. В магазине вдруг стало невыносимо тихо. Казалось, будто каждая чашка здесь, каждый предмет затаили дыхание. Только и было слышно ритмичное «пик-пик-пик» – это кассир пробивала товары последним на сегодня покупателям.

– Да ты... Да я тебя... – Надежда Сергеевна сжала кулаки, а её лицо начало заливаться краской.

Славик сделал шаг вперёд и заслонил собой Лику.

– Держите себя в руках, – сказал он, кивая на её кулаки. – Успокойтесь.

– А ты кто такой, чтобы меня воспитывать? Мальчишка! Сопляк!.. – прошипела Надежда Сергеевна, однако в её голосе уже не было той уверенности.

– Я мужчина. И я не позволю её обижать.

Лица почувствовала, как у неё внутри что-то дрогнуло – не от страха, а от неожиданной опоры. Она отвыкла от этого ощущения защищённости, от понимания, что она не одна. Это было чертовски приятно. Лица вышла из-за спины Славики.

Надежда Сергеевна открыла рот, будто хотела снова что-то рывкнуть, но, встретившись взглядом с Ликой, вдруг осеклась. В её глазах мелькнуло что-то похожее на растерянность: она впервые увидела перед собой не девчонку, которой можно помыкать, а человека, способного за себя постоять.

ять. И за которого есть кому заступиться.

Женщина дёрнула плечом, фыркнула и, резко развернувшись, зашагала прочь, шаркая ногами.

Когда её фигура скрылась за стеллажами, Лика выдохнула. Внутренняя дрожь пока не утихала, но наступило какое-то облегчение. Девушка нервно рассмеялась:

– Ну спасибо тебе, рыцарь!

Славик расплылся в улыбке. Лика взяла скатерть, какую выбрала бы для своей бабушки, и вручила ему:

– Шуруй на кассу, а то закрываемся уже.

– Давай я тебя подвезу? – всё ещё улыбаясь, как идиот, спросил парень.

– Если подождёшь меня, то давай.

Лика медленно прошла по залу. Её раздирали противоречивые эмоции, которые в конце концов слились воедино и превратились в одну большую, но светлую грусть. Всё-таки в стенах этого магазина она провела без малого 4 года: сначала на подработке по вечерам, а потом, после окончания университета, перешла на полную ставку. Начальник обещал повышение, но до этого дело пока так и не дошло. И не дойдёт уже. Не здесь.

Бокалы, супницы, чашки, креманки – все-все, казалось, выстроились, как на торжественный парад. Прощальный парад. Одни сверкали белыми боками, другие, наоборот, ис-

крились узорами, третьи сияли своей прозрачностью, четвёртые плакали едва заметными бликами... Да есть и в печали своя эстетика.

– Пора, – тихо сказала Лика, будто убеждая саму себя. – Пора двигаться дальше.

Она в последний раз окинула взглядом зал, стараясь удержать в памяти каждую деталь: игру света на гранях хрусталя, мягкие изгибы фарфоровых форм, строгий порядок сервизов... Потом застегнула куртку, подхватила сумочку, пакет и небольшую коробку, вещи уже поджидали её у выхода. И, не оборачиваясь, шагнула в свою новую жизнь.

– Завьялова, – окликнула Лику Надежда Сергеевна. – Давай поговорим?

Лика вздрогнула. Ну что ещё? Она же только успокоилась, неужели опять придётся нервничать и трястись, как безропотная лань?

– Нехорошо на такой ноте расставаться, – продолжила бывшая коллега. – Неправильно это. – Её голос звучал как-то устало, без прежней язвительности. Она опустила руку с сигаретой, и Лика заметила, как та дрожит.

Девушка чуть помедлила, чувствуя, как напряжение понемногу снижается, и кивнула. Сейчас Надежда Сергеевна выглядела совсем по-другому: растерянная, осунувшаяся и как будто даже меньше ростом. Лике стало её жалко.

– Извини, – женщина посмотрела куда-то мимо Лики, будто увидела в уличной витрине что-то важное. – Я тут пашу пятнадцать лет, всё одно и то же... Эти банки-склянки... А дома мужик пьёт, дочка замуж выскочила поперёк мне... Сама вижу, что озлобилась, как собака... Извини меня.

Лица осторожно коснулась плеча Надежды Сергеевны и мягко сказала:

– Удачи вам.

– Будь счастлива, Анжелика.

Славик наматывал круги вокруг машины. Увидев Лику, сделал два своих долговязых шага ей навстречу.

– Ну ты и собираться, конечно, – пробурчал он. – Мне семейство уже обзвонилось, каждый по очереди.

Лице стало неловко. Мало того, что ему пришлось за неё заступаться, так ещё и ждал полчаса.

– А я предупреждала, – неуверенно сказала она.

– Ну всё, садись давай, – сразу же потеплел Славик. Он распахнул пассажирскую дверь, а вещи девушки разместил на заднем сиденье.

Лица пристегнула ремень и откинулась на спинку кресла. Господи, неужели она может наконец-то просто спокойно посидеть?

– Принцесса, прикинь, ездил сегодня на почту...

А, нет, спокойно не получится.

– М-м? – обессиленно промычала Лика, имитируя интерес.

– А там народу – во! – Славик провёл по горлу ребром ладони. – Ну ладно, думаю, сейчас талончик в электронную очередь получу. Ага, какое там! Терминал сломан.

– И чего ты?

– Звоню бабушке, говорю, что так и так. А она нет, говорит, стой, жди, а то Нюра обидится. Нюра – это её сестра, в Самаре живёт. Прислала вот посылку к бабиной днюхе. Ну ладно, думаю, чего теперь, надо очередь занимать. Спрашиваю: «Кто последний в этом филиале ада?» И на меня как накинулись! Одни за ад отругали, типа я их чертями назвал, а другие за слово «последний»...

– А как надо?

– Говорят, что «крайний». Замучился отбиваться.

– Да, денёк сегодня, конечно, конфликтный... Наверно, опять меркурий в ретрограде, – усмехнулась Лика.

– Вот и нашли виноватого, – Славик кисло улыбнулся. – Слушай, а эта... С твоей работы... Наплела, что типа я ребёнок... Я правда со стороны так выгляжу?

Честно говоря, Славик действительно выглядел юно. Не ребёнок, конечно, но и до мужчины ещё не дорос. Но как об этом скажешь парню, который только что тебя защищал?

– Кстати, а сколько тебе?

– Двадцать один.

– Ну вот на свой возраст и выглядишь, – Лика попыта-

лась поддержать Славика. – А для Надежды Сергеевны все несмыслёныши, кто моложе её.

Славик повеселел и принялся рассказывать очередную историю, не забывая придавать красочности с помощью жестикуляции. «И откуда у него столько энергии?», – подумала Лика и, вздохнув, уставилась в окно. Город проплывал мимо россыпью огней, и в этом было что-то успокаивающее. Пожалуй, Лике больше всего сейчас как раз и хотелось этого умиротворения. Ещё бы, желательно, тишины, но со Славиком такое невозможно. А парень, кажется, даже не замечал, что она его не слушает, и продолжал своё эмоциональное «бу-бу-бу».

– Так когда?

– А?.. – Лика вынырнула из своих раздумий.

– Приедешь когда?

– Куда?

– К бабушке в лавку. Вот так ты меня и слушаешь! – немного обиделся Славик, на что Лика закатила глаза. Давно она этого не делала, правда?

– Я выжата как лимон. Давай чётко и по делу.

– Дед о тебе говорил. Ну, что не заходишь. Ждёт он тебя, – пробурчал Славик. – А ещё он что-то выяснил про твою брошь.

Лика вздрогнула и посмотрела Славику в глаза так, что у него аж сердце ухнуло. Как будто прямо в душу заглянула.

– На дорогу смотри, – устало сказала девушка, изо всех

сил стараясь сдерживать раздражение.

Когда они прощались возле Ликиного дома, она протянула Славику коробку:

– Это бабушке твоей. Подарок от меня на юбилей. Надеюсь, понравится.

– А что это?

– Посмотри.

Славик заглянул в коробку и обнаружил там сахарницу, разрисованную малиновыми ягодками.

– Понравится, – улыбнулся он.

Глава 3. Корни

Лика бродила по торговому центру, бесцельно скользя взглядом по витринам. Ей хотелось как-нибудь отметить начало нового этапа: например, приятной покупкой. Проблема лишь в том, что она понятия не имела, чего хочет на самом деле. Нет, пожалуй, от платья или кардигана не отказалась бы, но куда это всё девать? Тут бы разобраться с тем, что есть. Может, купить ещё один чемодан, чтобы наверняка всё влезло?.. Решение, конечно, рациональное, но ведь так хочется что-то не потому, что надо, а для души, для настроения! Просто чтобы себя порадовать. Тогда, наверное, стоит присмотреться к какой-то небольшой вещице, к чему-нибудь из косметики или аксессуаров.

Лика ломала голову, прикидывая, что могло бы стать символом её новой жизни. Витрины манили ассортиментом, вывески зазывали внутрь – но всё было не то. Духи она недавно обновила, ремней в шкафу и так несколько штук, очки не носит, а на сумочку, которую действительно хочется, не хватает денег.

Из раздумий её выдернула неожиданная преграда – компактный торговый островок, в который Лика чуть было не врезалась. Стекланный прилавок во всей красе демонстрировал всякие интересные штучки. Все они что-нибудь да символизировали: браслеты с выгравированными рунами,

кожаные кошельки с различными тиснениями, диванные подушки, увешанные монетками фэн-шуй, множество любопытных значков, подвесок, кулонов... Последние-то и привлекли внимание Лики.

– А какой у вас запрос? – поинтересовалась женщина за прилавком. На вид ей около сорока, но выглядит так, что и тридцатилетним впору позавидовать. – Может, я что-то вам подскажу?

– М-м-м... Запрос?.. – Лика замялась.

– Что вас сейчас беспокоит? В какую сферу хотели бы привлечь удачу?

– Ой... – Лика растерялась ещё больше. – Вообще-то я в такое не очень верю... Но, допустим, переезжаю скоро... В Москву.

– Тогда обратите внимание на символику нового пути. Желаете кулон? Вот, посмотрите на этот, с изображением рунического компаса...

– А мне вот этот больше всех понравился, – Лика указала пальцем на маленькое изделие в виде сердца, внутри которого расположилось дерево, украшенное фианитами.

– Отличный выбор, – кивнула продавец. – Древо жизни вообще основательный символ. Корнями уходит в прошлое – это говорит о связи с родом. Ствол означает настоящее, ну а ветки уже про будущее. Ответвления как варианты развития. И всё это в сердце, которое...

– Про любовь, – с понимающим видом договорила Лика.

– И не только, – женщина улыбнулась. – Ещё и про жизнь. Мы живы, пока бьётся сердце.

– Тогда тем более беру! – Лика полезла в сумочку за картой. – Вы, кстати, классно выглядите!

– А это как раз про любовь и про жизнь, – сказала женщина. – Про любовь к жизни, – чуть подумав, добавила она.

Лика расплатилась, бережно взяла коробочку с украшением и пошла дальше по коридору. Она чувствовала, что это не просто покупка, а какой-то важный шаг в её пути – маленький якорь в новую жизнь.

Она остановилась у большого панорамного окна, за которым город жил своей привычной суетой: мчались машины, спешили прохожие, ветер трепал остатки листвы на деревьях... У неё теперь тоже есть своё дерево. Которое тянется к будущему, держит настоящее и хранит прошлое, уходя в него корнями.

Корни... Лика подумала про бабушку. Вот он её единственный и крепкий корень. Всё остальное, как говорится, тайна, покрытая мраком. Она расстегнула в сумке кармашек, чтобы спрятать туда кулон, и наткнулась на брошь. Корни... Девушка внезапно вспомнила слова Славика о том, что Викентий Петрович разузнал какую-то информацию. Может быть, где-то здесь и кроется разгадка?..

– Кажется, без булочек с шоколадом не обойтись, – хмыкнула Лика и направилась к выходу.

«О-о-о-о-о... У-у-у-у-у...»

– Да что опять за такое... – Лика перешла на быстрый шаг. Ей хотелось поскорее очутиться в уютной лавке, ну или хотя бы просто не быть одной. Она, конечно, не верила во всяких чудищ и призраков, но эти завывания пробирали до дрожи. Скорее, скорее к заветной двери...

Ветер вдруг резко швырнул в лицо гроздь мелких и колючих капель – начался дождь с мокрым снегом. Лика вздрогнула, натянула капюшон по самые брови и почти побежала, не разбирая дороги. Завывания то затихали, то накатывали снова, сплетаясь с шумом ветра и отголосками городского гула.

Дверь, как обычно, поддалась не с первого раза, Лика даже успела испугаться – а вдруг лавка закрыта? Но нет, Викентий Петрович на своём посту.

– Проходите, проходите, голубушка! – антиквар кивнул на проход между стеллажами. На столе перед ним стоял большой самовар, а по залу бродил незнакомый мужчина и рассматривал экспонаты.

Лика прошла в закуток и, не раздеваясь, сразу нырнула в кресло. Её трясло от холода и страха, но здесь, кажется, она чувствовала себя в безопасности. Значит, скоро успокоится. И чтобы отвлечься, девушка начала рассматривать так называемый кабинет, а то в предыдущие разы как-то было не до этого.

Она оглядела маленькое помещение, которое было создано с помощью стеллажей: они огораживали пространство от общего зала. Полки этих стеллажей до самого потолка забиты всякой всячиной: тут вам и часы с кукушкой, и старая лампа с трещиной на плафоне, и граммофон с набором пластинок... И даже баян! Ну или аккордеон, Лика не разбиралась. Кажется, всем этим вещам требуется капитальный ремонт. Или реставрация – тут Лика тоже не разбиралась.

А ещё повсюду стояли коробки. Много коробок! Об их содержимом можно было только догадываться, однако некоторые давали подсказки: например, из одной свешивалась ёлочная мишура, из другой торчала керамическая крышка, скорее всего, от кувшина, над третьей возвышалась стопка альбомов для фотографий, а может быть, и для почтовых марок.

На единственной стене висел перекидной календарь с козлами и маска индейца. Наверное, гипсовая. Индеец как будто шурился из-под своего головного убора из перьев, приглядывая за порядком. Порядок здесь, честно говоря, был так себе, но это не производило впечатление хаоса. Напротив, чувствовался уют и странноватая, но приятная творческая атмосфера.

Лика перевела взгляд на стол. Вазочка с конфетами, рядом два фантика и недопитый чай. Она потрогала кружку – почти холодная. Видимо, слишком интересный самовар пришёл к Викентию Петровичу на консультацию. Лике очень за-

хотелось горячего чая, но хозяйничать здесь она не решилась. Что называется, почувствуйте себя как дома, но не забывайте, что вы в гостях.

Она потянулась за конфетой и вдруг вспомнила про булочки. На этот раз купила их девять, по три на брата. «И неплохо бы уже раздеться», – подумала девушка.

И вот куртка на вешалке, ботинки под столом – Лика забралась в кресло прямо с ногами. Она съела одну конфету, потом ещё одну, запила остывшим чаем из кружки Викентия Петровича... И почувствовала, как тяжелеют веки.

– Баба, баба!.. – Лика неслась сломя голову, размазывая слёзы. – Бабушка!..

– Что случилось, бусинка? – женщина поймала внучку и обхватила её руками. Лику трясло, и её это порядком напугало.

– Они закрыли меня!.. Пацаны закрыли!.. Я боялась... – всхлипывала девочка.

Бабушка вздохнула. Ох уж эти мальчишки! Лика тянется к ним, а они вроде и не отталкивают, но и в игры пускают неохотно. Зато как какие-нибудь эксперименты, так сразу на малышах испытывать – а те и рады, что старшие позволяют им участвовать в своих проделках. То стащат простынь из дома и с пожарной лестницы запускают парашютиста. К счастью, хватает ума не рисковать с высотой. То принимаются

дрессировать бродячих собак, которые на такое не согласны и недружелюбно скалятся. То боулинг с футбольным мячом организуют, а вместо кеглей малышню расставляют. Зла на них не хватает.

– Мы в шахтёров играли, – Лика вытерла нос кулаком, – пришла моя очередь спускаться в шахту...

– В какую ещё такую шахту?

– Подвал в Васькином доме. Васькин дедушка ходил туда за картошкой и забыл закрыть... Мы придумали, что это шахта.

– Таааак...

– Я спустилась туда, а они дверь заперли! – Лика оттопырила нижнюю губу. – А там темно! И страшно!..

– На ключ закрыли? – бабушка кипела внутри себя, но сдерживала негодование.

– Нет... Держали дверь. Я сначала не плакала, а потом услышала шорох и писк... И заплакала... Это мыши, наверно, а я их боюсь. И когда темно, боюсь. А потом кто-то завыл и я закричала...

– Завыл?

– Да... Завыл, я закричала, а они смеялись. Я там целый час просидела!.. – Лика снова начала всхлипывать. – Или пять минут. Я не знаю, у меня часов нет и время я все равно не понимаю...

Бабушка укачивала Лику на руках, словно младенца. Не всякий взрослый такие испытания выдержит, какие устрои-

ли эти сорванцы для её внучки! Подвал, темнота, мыши... Ещё и выл кто-то. Кто бы это мог быть? Женщина посмотрела в окно на мечущиеся кроны деревьев. Ветер. Наверное, это был ветер.

– Никто не выл, моя девочка, не бойся. Это просто ветер...

– Это просто ветер, – повторил кто-то шёпотом.

Ли́ка испугалась. Там, может быть, и ветер, но здесь точно не он! Ветер не разговаривает.

Она хотела закричать, набрала побольше воздуха в лёгкие... И открыла глаза. Перед ней сидел Славик и уплетал булку.

– Ветер?.. – пытаюсь вырваться из сна, не совсем внятно спросила Ли́ка.

– Привет, спящая красавица! – Славик облизал пальцы, испачканные шоколадом. – Сегодня всем по три булочки или вам с дедой по четыре с половиной? – загоготал он.

Ли́ка проглотила шутку. Пусть подкалывает, сколько влезет, она совершенно точно не поведётся!

– Дай ей проснуться, весельчак, – покачал головой Викентий Петрович.

Ли́ка завози́лась в кресле, чтобы сесть по-человечески: ноги затекли, хотелось их поскорее выпрямить. Плед наполовину съехал на пол, и Ли́ка поторопилась подтянуть его. Кстати, а ведь когда она засыпала, никакого пледа не было!

Это, наверное, Викентий Петрович её укрыв. Ну да, точно он, не Славик же! Этот до такого не додумается.

– Что там с ветром? – Девушка потёрла глаза и заразительно зевнула. Тут же спохватилась и прикрыла рот ладонью.

– Дует, как ненормальный, – чавкая булкой, ответил Славик. – Аж не по себе, как он там завывает. Пока от машины сюда шёл, чуть не обос... – он посмотрел на Лику. – Испугался я, короче.

Викентий Петрович усмехнулся. Сам таким был, тоже учился с девчонками общаться. И далеко не с первого раза у него это получилось. Пока разбирался, что девушки любят ушами и неплохо бы с ними поделикатнее, по крайней мере, не так, как с друзьями за кружкой пива, повстречал свою Галочку. И что она в нём нашла?..

– А?.. – старик вдруг понял, что его о чём-то спросили.

– Почему он так мощно завывает? – Лика опустила глаза.
– Как привидение в заброшенном замке...

– А почти что так и есть, – улыбнулся Викентий Петрович.
– Чем вам не заброшенный замок этот разрушенный дом? Окна выбиты, трубы расшатаны – вой не хочу! Вот ветер и гуляет да песенки насвистывает.

– Да уж, песенки... Это больше похоже на возгласы из преисподней, – Лика пожала плечами. – Когда в первый раз сюда приехала, думала, что у вас здесь портал куда-то именно туда.

– Ничего, ничего, милочка, привыкнете, – Викентий Пет-

рович поставил перед Ликой чашку ароматного чая, от которой шёл густой пар. – Ко всему привыкаешь... Как дом опустел и начались завывания, у меня тоже сердце в пятки поначалу уходило. А потом ничего. Теперь и вовсе сроднился с этими песнопениями, вполне себе сойдут за колыбельную. Вас, вон, тоже сморило, – старик улыбнулся.

– Ничего себе, колыбельная! – Лика пригубила кипяток. Пить пока невозможно, но терпкий травяной аромат тут же прогнал остатки сонливости. – Да я от такой колыбельной поседею раньше времени!

Антиквар, посмеиваясь, почесал свою белую за выслугу лет макушку и задумался.

– А вот насчёт портала вы, пожалуй, правы, – чуть погодя проговорил он. – Не в преисподнюю, конечно, немного попроще маршрут... Но он отправляет нас в прошлое. В историю, к чьим-то семейным преданиям и даже тайнам.

– И к корням?

– И к корням, ежели пожелаете.

– М-м-м, кстати! А что за новая информация про мою брошь? Славик сказал, – Лика кивнула в сторону парня, который доедал четвёртую булочку. Она отдала ему свою, и сделала это в корыстных целях: сама поменьше съест калорий, а Славик подольше помолчит. Хотя когда ему это мешало...

– Ага, ага, деда, ты же чего-то говорил, – тут же подтвердил он.

– Ах да! – спохватился Викентий Петрович. – Про вашу брошь я написал в антикварном чате...

– Это как? – Лика оторопела.

– Точнее, в чате антикваров... Да-да, мы тоже общаемся по интересам, а что такого? Так вот... Рассказал, значит, подробно её описал – фотокарточку-то забыл сделать, старый дурак! Ну да ладно, и словами неплохо вышло...

– Ну не томите уже, Викентий Петрович! – Лика чуть ли не подпрыгивала от нетерпения.

– В общем, один мой коллега её узнал! Это для меня реставрация, скорее, хобби, могу подолгу ковыряться, никуда не торопясь – а он как раз именно в этом спец. Приносили ему вашу брошь подшаманить, застёжка плохо работала... – антиквар замер, будто пытаясь что-то вспомнить. – И да! Было это около двадцати пяти лет назад!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.